

ВОЛЯ В МИРНОМ СВЕТЕ ПРАВДЫ

О.А. Донских

Новосибирский государственный университет
экономики и управления – «НИНХ»,
Новосибирск, Россия

olegdonskikh@yandex.ru

В статье анализируются слова «воля», «мир», «свет», «правда». На материале древнерусской литературы показано, что каждое из них имеет не менее двух существенно различающихся значений, причем два (в отдельных случаях – три) значения влияют друг на друга, создавая непередаваемую другими языками игру смыслов. В то же время именно эти слова задают смысловую стержень отечественного самосознания уже в Новое время, формируя определенное отношение к ключевым жизненным принципам. По крайней мере, в XIX веке в русской поэзии воля противопоставляется западной свободе как смысловая христианская установка определенной политической позиции. Воля связана с миром как его преодоление. Амбивалентность отечественного самосознания состоит в том, что в нем сосуществовали идеал мирной красоты совместной мирской, общинной жизни с вольным стремлением за пределы мира-общины и мира земного, причем и то и другое получало внутреннее оправдание, т. е. пересекалось как с правдой-истиной, так и с правдой-справедливостью.

Ключевые слова: национальное сознание, история языка, мир, воля, свет, правда.

DOI: 10.17212/2075-0862-2017-2.2-163-172

Когда речь идет о национальном сознании, фактически подразумевается, что одно национальное сознание в чем-то отличается от другого. В то же время следует иметь в виду, что любое национальное сознание не является чем-то статичным, раз и навсегда данным, оно динамически развивается. Безусловно, национальное сознание человека современной российской культуры отличается от сознания жителей Руси домонгольской или Московской, или Российской империи. Но для того чтобы проследить эти изменения, необходимо зафиксировать хотя бы какие-то особенности. Конечно, само предположение о наличии подобных особенностей может оказаться неверным. Тем не менее представляется интересным попытаться их сформулировать. Это и составляет содержание настоящей статьи. Автор вполне отдает себе от-

чет, во-первых, в гипотетичности данного замысла, а во-вторых, в том, насколько этот набросок фрагментарен, а заключения неоднозначны.

Замысел данной работы появился, когда в процессе исследования рефлексивно-философских начал в истории русской духовной культуры обнаружилось любопытное явление: ключевые слова, которыми можно охарактеризовать национальное сознание и которые определяют наиболее глубокое его содержание, своеобразную метафизику, оказались непередаваемыми на другие европейские языки, потому что содержат по два (или три) принципиально отличных смысла. Вот эти четыре слова:

«воля» как свобода и как сила внутреннего напряжения личности;

«мир» как спокойствие, отсутствие войны, как община и как космос;

«свет» как мир и как лучистая энергия; «правда» как справедливость и как истина.

Представляется, что эти значения сложились не случайно, поскольку как сами эти слова выражают и формируют отношение к жизни, так и их сочетание определяет специфику именно отечественного сознания.

Начнем с «мира», поскольку именно мир – то место, где совершается человеческая жизнь. «Мир» – это космос и земля, и община, и человечество в целом («на миру и смерть красна», «решать всем миром», «миром Господу помолимся» и др.). В то же время мир – это соглашение, согласие, покой («На земли мир, во человецех благоволение», «Жить в мире и дружбе»)¹. Мир-община естественно связан с идеей мира-космоса, поскольку именно через общину человек как социальное существо познает окружающий мир. Отсюда же идея порядка, спокойствия, поскольку только в общине человек чувствует себя полноправным человеком. Все эти значения и в более узком, и в более широком аспектах мы находим в церковнославянском языке, а потом и в современном русском. Мир-община – «Аще поймешь кто чужь конь, любо оружие, любо портъ, а познаеть въ своемъ миру» (Если кто возьмет чужого коня, или оружие, или одежду, а хозяин опознает в своем мире, то взять ему свое) [18], мир-космос – «уготованное вамъ царствие

¹ Слово «мир», по-видимому, этимологически связано с индоевропейским, в частности, персидским богом Митрой. В.Н. Топоров в разделе о Митре пишет, что в ведийской мифологии Митра связан с договором, людьми и солнцем. Митра – бог дружбы. Основная его функция – «объединение людей в особую социальную структуру и установление договора с ними. Этот договор соотносится с универсальным космическим законом *рита* и с движением солнца» [4].

от съложения миру (примите уготованное вам от сотворения мира царство); свѣтило въ вьсемь мирѣ видимое» (светило, всему миру видимое); мир-покой – «...поживыши же ей въ добръ исповѣдании лѣта многа, съ мирьмь усьпе» (прожив много лет в искреннем покаянии, мирно скончалась) [12].

«Мир» по своему существу связан с правдой, во-первых, поскольку он сотворен Богом («Божий мир», «Сей мир есть около облиян водами и есть в правду кругол») [6]. Здесь правда – это истина, то, что есть на самом деле. А во-вторых, «мир» задает правильные, справедливые отношения между людьми, обеспечивая их безопасность и покой. Таким образом, он пересекается с обоими значениями слова «правда».

В то же время Митра – это солнечный бог, поэтому он оказывается тесно связанным со светом [5]. Тогда выход за пределы Божьего мира – это выход во тьму, туда, где нет света. И «мир» вполне соответствует этому значению. Мы говорим о «потустороннем мире», который соответствует выражению «на том свете». В то же время когда мы говорим о человеке, что он «не от мира сего», то имеется в виду нечто совсем иное – что этот человек находится в собственном мире, в мире свои фантазий. Но есть и другое значение, которое отделяет мир земной от мира Божия. Именно это имеет в виду Христос, когда говорит Пилату, что Его царство «не от мира сего» (Иоанн, 18, 36). Так что значение «мира» амбивалентно. С одной стороны, он сотворен Богом и хорош, с другой – он отделен от мира высшего, собственно божественного.

Теперь о «свете». Мир светел. «Свет» как «мир», как земная жизнь. В славянских языках, как и в русском, свет – это синоним мира. В словаре Фасмера [21] читаем: словенское *svēt* – «мир, люди»; чешское *svět* –

«мир»; словацкое svet, польское świat, верхне- и нижнелужицкое swět, полабское sjot – «свет, день». Пересечение с «миром» очевидно, и на нем нет смысла останавливаться.

Собственно говоря, свет в этом значении тесно связан и со своим вторым значением – с лучистой энергией. Появиться на свет – это очутиться в мире, стать видимым. При этом существуют разные степени светлости – от слепящего света Божественного присутствия до полной тьмы отсутствия Бога. Эти степени света соответствуют не только земле и небу, но всем семи небесам по возрастающей. В Апокрифе «Видение пророка Исаии» встречаем: «И егда бѣхъ на шестѣмъ небеси, свѣтъ, иже на пятѣмъ небеси, тьму сушь. ...Ангель же наставляяй мя глагола ми: “Чѣто яко възрадовася о свѣтѣ семь, кольми паче възрадуешися и възвеселишися, егда узриши свѣта праваго небесе” (Когда я был на шестом небе, то свет пятого неба, (казалось мне), был как тьма. ...Ангел же, наставляющий меня, сказал мне: “Коли ты так обрадовался этому свету, то сколь сильнее ты обрадуешься и възвеселишься, когда увидишь свет праведный истинного неба”» [10]. Свет каждого неба слепит в сравнении с предшествующим, и он есть тьма в сравнении со следующим. Причем нет слов для описания того света, который исходит от божественного начала. Вот как это представлено в известном апокрифе «Хождение Богородицы по мукам»: «И отвѣщаша ангели, стрегущии муку: “*Пореченно* есть, да не видятъ свѣта, дондеже явится Сынъ твой благии, паче 7 солнць свѣтлайши”» (Ангелы, стерегущие их, отвечали: «Сказано, что не увидят они света, пока не явится твой благодный Сын, светлее, чем семь солнц») [21]. Здесь светлость Христа сравнивается со светом семи солнц. А Богородица может быть на-

звана «просвещением света»: «И видѣвше Пресвятую ангели стрегуще, и возопиша вси едины усты, глаголюще: “Святъ, святъ, святъ еси, Боже святыи, и ты, Богородице, благословимъ тя и Сына Божия, родившагося отъ тебе, яко бо отъ вѣка не видѣхомъ свѣта, и днесъ видимъ свѣтъ тебе ради, Богородице”. И паки возопиша вси единѣмъ гласомъ, глаголюще: “Радуйся, Благодатная Богородице; радуйся, просвѣщение свѣта вѣчнаго”» (И увидели Пресвятую в окружении ангелов, и вскричали в один голос: «Свят, свят, свят, Боже Святыи, и ты, Богородица, благословяем тебя и Сына Божия, родившегося у тебя, так как спокон века не видели света, а сейчас видим свет благодаря тебе, Богородица». И снова вскричали они все вместе: «Радуйся, Благодатная Богородица; радуйся, сияние света вечного») [22].

Есть два света – свет солнечный, та самая лучистая энергия, благодаря которой мы все видим, и свет, который возникает благодаря божественным энергиям, свет, о котором пишет св. Григорий Палама и к которому устремляются исихасты. Поэтому в выражениях «семь солнц» или «просвещение света» речь идет о свете не вечернем, свете духовном, том свете, благодаря которому наши души устремляются к источнику света. Об этом свете пишет еще св. Феодосий Печерский: «Да егда присѣщениемъ Божиимъ въсияеть въ душахъ нашихъ свѣтъ истинный» (И когда благодаря Божиию посещению просияет в наших душах свет истинный) [11]. Этим светом пронизан мир, и именно этот свет – вестник и признак божественного присутствия. Поэтому «свет истинный» и есть свет правды. Правда оказывается сущностно связанной со светом. Их связь задана творением: «...от Духа Святого, иже есть положилъ въ чловѣцѣ правдѣ и часть отъ свѣта вѣка, иже нарицается Хри-

стось» (...от Духа Святого, который вложил в человека праведность и частицу вечного света, что и зовется Христос) [14].

Теперь посмотрим, как понимается правда в допетровской литературе и как значение этого слова пересекается со значением «света» и со значениями других выбранных слов. У св. Кирилла Белозерского слово «правда» в основном используется в значении истины: «А в чемъ будет твоя правда пред ними, и ты, господине, за себя стой по правдѣ... Ни сотвориши неправду на суде, яко судъ истиненъ есть; проклять всякъ неправо судя. ...Пророкъ рече: “Ярость Господня на них неизцѣлна до вѣка, и огонь поясть нечестивыя” – мзды ради, иже неправдою взимают. Судяи праведно, без мзды, спасени будут и царство небесное наслѣдуютъ» (А в чемъ окажется твоя правда перед ними, в том, господин, ты за себя стой по правде. Не сотвори неправду на суде, ибо суд должен быть истинным; проклят всякий неправедно судящий... Пророкъ сказал: «Ярость Господня на них неисцелима до конца века, и огонь поест нечестивых» – из-за мзды, которую они неправедно взимают. Судящие праведно, без мзды, спасены будут и царство небесное наследуютъ) [18].

Эта правда-истина может быть разной – у каждого своя. Киприан пишет: «А ко Царюгоруду ѣду оборонитися Богомъ и святымъ патриархомъ и Великимъ сборомъ. И тии на куны надѣются и на фрязы, азъ же на Бога и на свою правду» (А я в Царьграде обороняюсь Богом, святым патриархом и Великим собором. И те на деньги надеются и на фрягов, я же на Бога и на свою правду) [16]. В этом же значении слово «правда» встречается примерно в то же время в «Послании мудрого Феофана монаху Прохору»: «Два бо пути есть разума: ли глагола-

ти, или молчати правѣ. Мнози философи быша в миру, но двѣ главѣ быша философом – Платонъ и Пифагоръ. Овъ бо благоулучно повѣствовал, овъ же благословесно умолча» (Два ведь пути есть у разума: либо говорить, либо быть правым молча. Много философов было в мире, но две вершины были среди философов – Платон и Пифагор. Один благополучно повествовал, другой же благословесно замолчал) [17].

Однако уже у св. Нила Сорского правда несет значение истинной справедливости: «И се есть знамение любве Божия, еже скорби принесутся кому о дѣлании правды» (И это знак любви Божией, – когда скорби достаются тому, кто поступает по правде) [13]. Речь идет о жизни по правде, по божественному закону. А иначе будет неправда, беззаконие. В сказании «О потопе» говорится: «И рече Господь Бог к Ною: “Время всякого челоуѣка погубити на земли, исполнися неправда их пред мною”» (И сказал Господь Бог Ною: «Настало время каждого человека погубить на земле, преисполнилась неправда их предо мною»).

Справедливость на земле обеспечивается законами государства. Поэтому уже у Андрея Курбского (отчасти под европейским влиянием) «правда» пересекается с «законом». Он наряду с правдой-истиной постоянно употребляет слово «правда» в значении закона и справедливости: «Правду воистинну глаголю, и дарования духа храбрости, от Бога данна ми, не таю» [9]. «Зри, о царю, со прилежаниемъ: аще поганские философи по естественному закону достигли такову правду и разумность со дивною мудростию между собя, яко апостоль рече: “Помыслом осуждающим или оставляющим”, а того ради и всего вселенноу попустил Богъ имъ владѣти, а мы християне нарицаемъ, а не токмо достигаемъ книж-

ников и фарисеев правды, но и человек, естественным законом живущих!» [20]. Обращает на себя внимание упоминание естественных законов, что, безусловно, свидетельствует о западноевропейском влиянии. При этом в «Истории о великом князе Московском» Курбский часто употребляет слова «неправда, неправды» в значении беззакония: «боящихся, да не услышит царь о семь и паки да не возвратит его к собе и да не обличатся ихъ неправды и превращение судов, и многовзимательныя, любимыя издавна обыкновения ихъ. И сихъ ради, яко глаголетъ Златоусты, сопротився правда неправде, милосердию лютость, воздержанию невоздержание, трезвости пьянство и прочие» [9]. Противопоставляясь «неправде», «правда» противопоставляется беззаконию, начиная сравниваться с законом вообще. И это сравнение оказывается не в пользу закона.

Таким образом, есть Божия правда, которая существует далеко и высоко, как принципиально недостижимый идеал, и есть реальная жизнь, где сталкивается множество волевых устремлений. И это идет на Руси испокон веку. Не случайно, исследуя материалы по истории права, В.М. Живов в развитие идеи Б.О. Унбегауна² отграничивает культуру от быта. В основе этого разделения лежит следующая идея: право, представленное на церковнославянском языке, живет только в качестве идеала, в культуре. А в быту действует право, представленное на древнерусском языке, идущее еще из языческих времен. Он определяет уникальность юридической ситуации Древней Руси так: «Право, лежащее в сфере культу-

ры, не действует, а действующее право лежит вне сферы культуры» [3, с. 235]. Идеал божественной правды, конечно же, находится в заоблачных высях и не оказывает никакого практического воздействия на жизнь. Но он формирует сознание. Соответственно, и «воля», сплетаясь с правдой, воспаряет от низин жизни к высотам божественной любви и справедливости, т. е. Правды.

Конечно же, «правда» сущностно связана и с «миром» – и с миром-покоем (поскольку именно покой свидетельствует о справедливости, воцарившейся в мире-общине и на земле вообще), и с миром вообще, который должен быть исполнен правды, а наполнен неправдой, тьмой.

Мир теснейшим образом связан и с волей³. В русском сознании сосуществовали идеал мирной красоты совместной жизни с вольным стремлением за мыслимые пределы. С одной стороны, крестьянская община, где все знают друг друга и связаны круговой порукой, ответственностью друг за друга. С другой – те, кто уходит за пределы общины, искатели приключений; к ним же примыкают искатели истины, душевно устремленные к конечному смыслу бытия, к правде. Многие исследователи говорили о связи между чувством внутренней свободы и бескрайними просторами русской земли. Это особенно любимая тема для тех, кто рассуждает о широкой русской душе и ее устремленности за пределы горизонта. Н.С. Арсеньев видит проявление русской воли в деятельности русских землепроходцев, разбойников, путешественников в Святую землю, и

² Именно Б.О. Унбегаун обнаружил тот факт, что правовая сфера представлена в древнерусских текстах не на церковнославянском, а на древнерусском языке. Поэтому, в частности, мы до сих пор говорим «уголовный», а не «главный».

³ Противопоставление «мира» и «воли», как показывает В.Н. Топоров, также, возможно, идет еще от древнеиранского, где была пара богов – Митра (мир, согласие, порядок) и Варуна (выход за пределы, беспорядок, беспокойство) [8].

в то же время в духовной тоске по Новому граду и в метафизическом поиске конечного смысла жизни [1]. Много на эту тему рассуждал Бердяев, который полагал, что русская душа «подавлена необъятными русскими полями и необъятными русскими негами, она утопает и растворяется в этой необъятности». – И дальше: «Но необъятность пространств России тяжелым гнетом легла на душу русского народа. В психологию его вошли и безграничность русского государства и безграничность русских полей. Русская душа ушиблена ширию, она не видит границ, и эта безграничность не освобождает, а поработывает ее» [2, с. 62–63.].

Слово «воля» – это и свобода от любой внутренней и внешней зависимости и в то же время – внутренняя свобода. Эти значения существуют, по крайней мере, с XI века. Один из авторов этого времени, обращаясь к своему собеседнику, говорит о том, что готов сделать то, что «велит *воля сердца* твоего». Источник воли – в сердце. И в то же время «воля» оказывается свободой. Можно отпустить на волю, можно гулять на воле. Слово «воля» диалектично в том смысле, что оно соединяет в своеобразное целое оба значения – внутреннее и внешнее. Возьмем выражение «Божья воля». Человек ей подчиняется, он подчиняется желанию и власти высшего существа. И здесь он оказывается «рабом Божиим». Идея подчинения воле, власти Бога или воле князя – один из самых распространенных в этот ранний период контекстов с «волей» – «быть в чьей-то воле», «ходить в чьей-то воле». И, конечно, в «Отче наш»: «Да будет воля Твоя».

Человек становится вольным, когда он отпущен на свободу, на волю. Есть контексты, где слово «воля» (вольность) выража-

ет значение свободы: «отпустить на волю», «дать волю», «быть на воле». Но свобода здесь означает, что человек оказался ответственным за свое существование. Он живет по своей воле. Как говорил св. Нил Сорский, люди хотят «по своим страстным волям жити». Человек по своей воле меняется, бывая то одним, то другим: «...о воли бываше смыслень, добре пребываа, о воли же бываше бесяся» [7]. Воля – самовластие, власть над собой, и это в конечном счете атомизирует общественное сознание. Стоит заметить, что проблема самовластия души (в обычной постановке вопроса – проблема свободы воли) – возможно, единственная собственно философская проблема, которая обсуждается в истории русской духовной культуры московского периода. Связь воли и власти совершенно очевидна. Власть соединяет внешне различные значения воли как способности, желания и воли как свободы. Власть – это и власть над собой (сила воли), и власть над другими, и тогда есть пределы этой власти, будь то государство, удел или свой дом. Митрополит Алексей писал в одной из грамот: «Не ведаете ли, что все Русские земли владыки под моею властию суть и в моеи воли» [7]. Воля делает человека автономным, она не только разбивает его общинные связи, но и отделяет его от других, даже от самого себя. Когда человек остается один на один с самим собой, он может стать рабом своих желаний, т. е. рабом самого себя, а может оказаться господином своих желаний.

О связи слов «воля», «вольность» с «миром» мы уже упоминали. Воля – выход за пределы. Если учесть значение выражения «Божья воля», то это означает, что мир находится во власти Бога, в Его воле, и человек, находясь в этом мире, находит-

ся в воле Бога. Но вольность означает и выход из мира-общины. Здесь и свобода как вольность, здесь и потерянности: «У него сын слеп, скитается в мире» [5]. Устойчивое выражение – «Скитаться по белому свету». Опять мы видим смешение двух практически противоположных значений.

Можно сказать, что названные четыре слова пересекаются друг с другом, образуя уникальное сочетание, специфическое именно для отечественного самосознания. В частности, можно отметить принципиальное различие между отечественным и западноевропейским отношением к закону. Если второе производит себя от римского права и не рассматривает закон как противоположность правде, то для русского человека это противопоставление совершенно естественно: можно судить человека «по закону», а можно «по правде», и это однозначно не совпадает. Так же принципиально различаются свобода как политический феномен и воля как в первую очередь внутреннее состояние человека. Можно показать, как эволюционирует в этом отношении творчество Пушкина, который в ранних стихах следует западным (французским) образцам, а потом приходит к совершенно другому пониманию свободы: свободы как воли-вольности, как внутреннего чувства, а не внешнего, политического. Он очень ясно выражает это понимание в стихотворении «Из Пиндемонти»:

«...Иная, лучшая, потребна мне свобода:
Зависеть от царя, зависеть от народа –
Не все ли нам равно? Бог с ними.
Никому
Отчета не давать, себе лишь самому
Служить и угождать; для власти, для ливреи
Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи;

По прихоти своей скитаться здесь и там,
Дивясь божественным природы красотам,
И пред созданьями искусств и вдохновенья
Трепеща радостно в восторгах умиленья.
Вот счастье! вот права...»

Интересно проследить изменения, характеризующие возникновение устойчивых и мерцающих значений данных слов, а также словосочетаний, в которые они вступают. В то же время можно указать некоторые контексты, которые свидетельствуют, что великая русская литература, несмотря на сильное западноевропейское влияние, развивается в русле именно тех специфических смыслов, которые родились и установились в киевской и московской культуре. Предположенная в начале статьи особенность обнаруживает себя в том семантическом поле, которое определяется специфической игрой четырех слов, пересекающихся в рамках своеобразных понятийных установок.

Литература

1. *Арсеньев Н.С.* Русские просторы и народная душа // Из русской культурной и творческой традиции. – Франкфурт-на-Майне, 1959.
2. *Бердяев Н.* Судьба России. – М.: Г.А. Леман и С.И. Сахаров, 1918.
3. *Живов В.М.* История русского права как лингвосомиотическая проблема // Живов В.М. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. – М., 2002.
4. Мифы народов мира. В 2 т. Т. 2: энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия, 1992. – 719 с.
5. *Преображенский А.* Мирь // Этимологический словарь русского языка / сост. А. Преображенский. – М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Совко, 1910–1914. – Т. 1.
6. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 9. (М). – М.: Наука, 1982. – 359 с.
7. *Срезневский П.П.* Материалы для словаря древне-русского языка по письменным па-

мятникам. Т. 1. – СПб.: Тип. имп. Акад. наук, 1893. – Ст. 299.

8. *Топоров В.Н.* Об иранском элементе в русской духовной культуре // Славянский и балканский фольклор. – М.: Наука, 1989. – С. 43–52.

9. *Курбский А.* История о великом князе Московском [Электронный ресурс]. – URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=9862> (дата обращения: 30.05.2017).

10. Видение пророка Исаяи [Электронный ресурс]. – URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=5117> (дата обращения: 30.05.2017).

11. В пяток третьей недели поста поучение святого Феодосия о терпении и о смирении [Электронный ресурс]. – URL: <http://lib2.pushkinskijdom.ru/tabid-4873> (дата обращения: 30.05.2017).

12. Житие Феодосия Печерского [Электронный ресурс]. – URL: <http://lib2.pushkinskijdom.ru/tabid-4872> (дата обращения: 30.05.2017).

13. *Нил Сорский.* Послание Вассиану Патриарху [Электронный ресурс]. – URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=5090> (дата обращения: 30.05.2017).

14. О потопе [Электронный ресурс]. – URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4915> (дата обращения: 30.05.2017).

15. О сотворении Адама [Электронный ресурс]. – URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4912> (дата обращения: 30.05.2017).

16. Послание митрополита Киприана игуменам Сергию и Феодору [Электронный ресурс]. – URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4990> (дата обращения: 30.05.2017).

17. Послание мудрого Феофана монаху Прохору [Электронный ресурс]. – URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4986> (дата обращения: 30.05.2017).

18. Послания св. Кирилла Белозерского [Электронный ресурс]. – URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4991> (дата обращения: 30.05.2017).

19. Русская правда [Электронный ресурс]. – URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4946> (дата обращения: 30.05.2017).

20. Третье послание Курбского Ивану Грозному [Электронный ресурс]. – URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=9113> (дата обращения: 30.05.2017).

21. *Фасмер М.* Этимологический онлайн-словарь русского языка [Электронный ресурс]. – URL: <https://vasmer.lexicography.online/%D1%81/%D1%81%D0%B2%D0%B5%D1%82> (дата обращения: 30.05.2017).

22. Хождение Богородицы по мукам [Электронный ресурс]. – URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4930> (дата обращения: 30.05.2017).

“VOLYA” IN THE PEACEFUL LIGHT OF “PRAVDA”

O.A. Donskikh

Novosibirsk State University
of Economics and Management,
Novosibirsk, Russian Federation
olegdonskikh@yandex.ru

In the article the words “mir”, “volya”, “svet”, “pravda”. On the material of the Ancient Russian literature it is shown that each of these words has at least two substantially distinct meanings, and two (or three) meanings influence each other, creating game of senses inexpressible in other languages. At the same time, these words define the semantic core of national self-identification in modern times,

forming the certain attitude to the key principles of life. In XIX-th century in Russian poetry “volya” is opposed to the Western “svoboda” (liberty) as the Christian goal to specific political position. The ambivalence of the national consciousness is presented by the fact that the ideal peaceful beauty of the mundane cooperative communal life coexisted with a free desire to get beyond the world-community and earthly world. Yet both ideals were receiving internal justification, intersecting with Pravda-truth as well as with pravda-justice.

Keywords: national consciousness, history of language, *volya* (freedom, will), *mir* (community, world, peace), *svet* (light, world), *pravda* (truth, justice).

DOI: 10.17212/2075-0862-2017-2.2-163-172

References

1. Arsen'ev N.S. Russkie prostory i narodnaya dusha [Russian spaciousness and popular soul]. *Iz russkoi kul'turnoi i tvorcheskoi traditsii* [From the Russian cultural and creative tradition]. Frankfurt am Main, 1959.
2. Berdyaev N. *Sud'ba Rossii* [The destiny of Russia]. Moscow, G.A. Leman i S.I. Sakharov Publ., 1918.
3. Zhivov V.M. Istoriya russkogo prava kak lingvosemioticheskaya problema [History of Russian law as the linguistic and semiotic problem]. Zhivov V.M. *Razyskaniya v oblasti istorii i predystorii russkoi kul'tury* [Research in the area of history and pre-history of Russian culture]. Moscow, 2002.
4. *Mify narodov mira*. V 2 t. T. 2 [Myths of the peoples of the world. In 2 vol. Vol. 2]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1992. 719 p.
5. Preobrazhenskii A. Mir'. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of Russian language]. Comp. by A. Preobrazhenskii. Moscow, G. Lissner & D. Sovko Publ., 1910–1914, vol. 1.
6. *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* Iss. 9. (M) [Dictionary of Russian language of the XI–XVII centuries. Iss. 9. (M)]. Moscow, Nauka Publ., 1982. 359 p.
7. Sreznevskii I.I. *Materialy dlya slovarya drevne-russkogo yazyka po pis'mennym pamyatnikam*. T. 1 [Data for the dictionary of the Ancient Russian language from the literary sources. Vol. 1]. St. Petersburg, Imperatorskaya Akademiya nauk Publ., 1893, art. 299.
8. Toporov V.N. Ob iranskom elemente v russkoi dukhovnoi kul'ture [On the Iranian element in the Russian spiritual culture]. *Slavyanskii i balkanskii fol'klor* [Slavic and Baltic folklore]. Moscow, Nauka Publ., 1989, pp. 43–52.
9. Kurbskii A. *Istoriya o velikom knyazhe Moskovskom* [History of the Great Duke of Moscow]. Available at: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=9862> (accessed 30.05.2017).
10. *Videnie proroka Isaii* [Vision of Isaiah the prophet]. Available at: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=5117> (accessed 30.05.2017).
11. *V pyatok tret'ei nedeli posta pouchenie svyatogo Feodosiya o terpenii i o smirenii* [Sermon of the st. Theodosius on the patience and humility on the Friday of the third week of the lent]. Available at: <http://lib2.pushkinskijdom.ru/tabid-4873> (accessed 30.05.2017).
12. *Zhitie Feodosiya Pecherskogo* [Life of Theodosius of Kiev]. Available at: <http://lib.pushkinskijdom.ru/tabid-4872> (accessed 30.05.2017).
13. Nil Sorskii. *Poslanie Vassianu Patrikeevu* [Epistle to Vassian Patrikeev]. Available at: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=5090> (accessed 30.05.2017).
14. *O potope* [On deluge]. Available at: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4915> (accessed 30.05.2017).
15. *O sotvorenii Adama* [On creation of Adam]. Available at: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4912> (accessed 30.05.2017).
16. *Poslanie mitropolita Kipriana igumenam Sergiyu i Feodoru* [Epistle of Metropolitan Kiprian to abbots Sergius and Theodor]. Available at: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4990> (accessed 30.05.2017).

17. *Poslanie mudrogo Feofana monakbu Prokhoru* [Epistle of wise Theophan to monk Prohor]. Available at: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4986> (accessed 30.05.2017).

18. *Poslaniya sv. Kirilla Belozerskogo* [Epistles of st. Kirill of Belozersk]. Available at: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4991> (accessed 30.05.2017).

19. *Russkaya pravda* [Russian law]. Available at: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4946> (accessed 30.05.2017).

20. *Tret'e poslanie Kurbskogo Ivanu Groznomu* [The third epistle of Kurbskii to Ivan the Terrible].

Available at: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=9113> (accessed 30.05.2017).

21. Fasmer M. *Etimologičeskii onlain-slovar' rus-skogo jazyka* [Etymological online dictionary of the Russian language]. Available at: <http://vasmer.lexicography.online/%D1%81/%D1%81%D0%B2%D0%B5%D1%82> (accessed 30.05.2017).

22. *Kbožhdenie Bogoroditsy po mukam* [The Virgin Mary's walking through flours]. Available at: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4930> (accessed 30.05.2017).